

© 1990 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1988—1989 гг. УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Очередная научная сессия советских этнографов прошла с 28 мая по 2 июня 1990 г. в столице Казахстана Алма-Ате. Организаторами выступили Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. Сессия собралась в непростое для страны время, однако на нее прибыли представители практически всех республик и регионов Советского Союза. Это в очередной раз подтвердило крепость профессиональных связей в научном сообществе советских этнографов.

Первое пленарное заседание открыл приветственным обращением к участникам сессии вице-президент АН Казахской ССР академик Ж. М. Абдильдин (Алма-Ата). Директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков (Москва) поблагодарил за добрые слова, выразив глубокую признательность казахским товарищам за приглашение всесоюзной сессии в свою столицу.

Затем с докладом «Основные концептуальные проблемы современных национальных отношений в Казахстане» выступил директор Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР академик М. К. Козыбаев (Алма-Ата). Он отметил, что недавно обнародованное решение Политбюро ЦК КПСС, пересмотревшее политические оценки известных декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате, благотворно сказалось на состоянии национальных отношений в республике. Однако проблемы остаются. Их корни в государственном, обезличенном типе собственности, находящемся в противоречии с национально-культурными традициями, в трагических событиях, связанных с коллективизацией, голодом, репрессиями 1930-х годов, насильственным переселением народов, в результате чего республика потеряла до половины населения. Ныне, сказал докладчик, ситуация усугубляется тревожной экологической обстановкой (Арал, Балхаш, ядерные полигоны), неблагополучием в сфере социального функционирования казахского языка. Не могут не вызывать негативной реакции у местного населения некорректные выступления некоторых центральных органов информации, создающих образ Средней Азии как региона-изживенца. М. К. Козыбаев высказался за интенсификацию теоретических исследований межнациональных отношений, подверг критике некоторые взгляды В. И. Козлова, высказанные им, в частности, на страницах журнала «Вопросы истории» (1990, № 1).

Затем слово было предоставлено заведующему одним из секторов Отдела по вопросам межнациональных отношений Секретариата Верховного Совета СССР В. Н. Шамшуруву (Москва). Он информировал аудиторию о целях и задачах недавно созданного отдела Верховного Совета. Сложность национальных проблем, противоположность интересов ощущаются постоянно, поэтому так трудно выработать решения, которые удовлетворяли бы все стороны. Однако Верховный Совет сделал крупные шаги, приняв законы о разграничении компетенции центра и субъектов федерации, о свободном национальном развитии граждан и др.; идет работа над проектами законов об автономиях, о малочисленных народах СССР. В. Н. Шамшуров призвал этнографов активно сотрудничать с соответствующими органами Верховного Совета, чтобы вести законотворческую деятельность в сфере национальной политики на научной основе.

Директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков выступил с докладом «Наука о народах и реальная жизнь». Он отметил, что начавшаяся с апреля 1985 г. эпоха демократизации застала наше многонациональное государство в сложный исторический момент. Перечень кризисных проблем велик: экология, этнодемографическая ситуация, социально-экономическая сфера, политика. Однако подлинные причины лавинообразного роста национальных движений и межэтнической напряженности заключаются в неспособности существующего политического строя создать хотя бы первичные гражданские институты в виде реального местного управления, через которые этнические группы могли бы отстаивать и осуществлять свои интересы и права.

Докладчик отметил, что уже высказан ряд прогнозов о вариантах развития ситуации в стране. 1. Советский Союз видится как союз государств с системой внутренних региональных автономий в ряде из них, и прежде всего в РСФСР. 2. Он может развиваться как союз независимых и суверенных республик, составляющих объединение государств наподобие ООН или Европейского сообщества. 3. Последовательное распространение получит идея права наций на самоопределение у всех народов Советского Союза, которые должны обрести абсолютно одинаковый статус союзных республик. По мнению В. А. Тишкова, есть еще вариант возможного выбора, при котором установка на сохранение целостности Союза на основах федеративного (или частично конфедеративного) устройства исторически оправдана. В этом случае реформа в сфере межнациональных отношений и государственного устройства должна идти в следующих направлениях: 1) расширение гражданских прав и волеизъявления личности; 2) расширение прав в области национально-культурной автономии для всех компактно проживающих групп населения, городских общин и лиц любой национальности; 3) реформа государственного устройства федерации с упразднением иерархии национально-государственных образований и одновременным расширением их суверенитета; 4) меры по обеспечению специфических интересов малочисленных народов Севера и Сибири; 5) устранение допущенной несправедливости в отношении депортированных народов.

Первое пленарное заседание завершилось докладом руководителя Центра по изучению межнациональных отношений М. Н. Губогло (Москва) «Правовое обеспечение языков национальных меньшинств». Докладчик отметил, что в современных условиях обострения межнациональных отношений от социального дискомфорта страдают прежде всего национальные меньшинства. Поэтому необходимы поиски рычагов обеспечения их прав, в том числе в языковой сфере. Союзные республики в законодательном порядке обеспечивают государственный статус титульных народов. Однако большинство республик полнотечно, поэтому в социальной сфере реально функционирует дву- и многоязычие. Между тем законодательства о языках не всегда учитывают это обстоятельство. На конкретных примерах М. Н. Губогло показал варианты законодательных решений языковой проблемы, осуществляемых в разных республиках СССР.

Далее работа сессии была продолжена на заседаниях девяти секций.

На секции «Современные этнические процессы у народов СССР» — кураторы Л. М. Дробничева и Р. А. Григорьева (Москва) — был заслушан и обсужден 21 доклад с анализом процессов, происходящих в разных регионах страны. Это позволило выявить как региональное своеобразие, так и черты сходства на современном этапе этнического развития народов нашей страны.

Выступавшие ставили вопросы, связанные с этноязыковыми проблемами, с реакцией населения союзных республик на осуществление законов о государственном языке. П. В. Терешкович (Минск) осветил национальные отношения в Белоруссии, их состояние и перспективы развития. Б. Хасанов (Алма-Ата) остановился на современных этноязыковых процессах в Казахстане. Исторический анализ языковых процессов в Удмуртии дала Л. С. Христюлова (Ижевск). Э.-Б. М. Гучинова (Элиста) охарактеризовала языковую проблему в спектре национальных интересов калмыков, отметив важность возвращения родному языку полноценных форм функционирования.

Многие докладчики сосредоточили внимание на характеристике состояния межнациональных отношений в регионах. О ситуации в Белоруссии говорилось в уже упомянутом докладе П. В. Терешковича, а также в докладе Г. И. Касперович (Минск), которая рассмотрела ситуацию сквозь призму проблем, порождаемых миграцией населения. З. В. Анайбан (Кызыл) отметила тревожные симптомы ухудшения социально-психологической обстановки межнациональных отношений в Туве. Х. А. Санакулов (Ташкент) обобщил основные факторы, которые вызывают напряжение в межнациональных отношениях в Узбекистане. З. К. Кадырова (Алма-Ата) говорила о проблемах уйгурского народа. По ее мнению, назрело национально-административное самоопределение уйгуров, что поможет снять многие сложности их современного развития.

На заседании секции обнаружился значительный интерес специалистов к деятельности национально-культурных обществ, их роли в национальных движениях. П. В. Терешкович информировал о создании подобных обществ (польского, русского, еврейского, армянского, украинского, азербайджанского) в Белоруссии. О национальных центрах в Татарии и Башкирии рассказал Д. М. Исхаков (Казань). Деятельности культурных обществ в Латвии был посвящен доклад Л. А. Думпе (Рига), которая показала значение исторического опыта в создании таких объединений. Р. Сафаева (Ташкент) рассказала о роли землячеств и махаллы в современной жизни и быту узбеков.

Требуют решения проблемы, связанные с зарождением у некоренного населения ряда регионов ориентаций на миграцию. И. В. Долженко (Ереван) исследовала миграционные процессы среди русских Армении; их ориентацию на выезд автор связывает со сложной обстановкой в республике, слабым знанием государственного языка, снижением регулятивного потенциала религиозных молочноканских общин, к которым в основном принадлежало русское население республики. Доклад Ю. И. Зверевой (Москва) был посвящен этническим процессам в некоторых районах Восточно-Казахстанской области, русское население которой мигрирует, замещаясь казахским.

В ряде докладов ставились вопросы об этносоциальных процессах у этнических групп, живущих в инонациональной среде. Г. А. Корнишина (Саранск) остановилась на современном развитии мордовского населения Куйбышевской области, отметив, что там происходит постепенный процесс смены национального самосознания. Нивелировка национальных форм материальной и духовной культуры у чувашей Западной Сибири зафиксирована исследованиями Д. Г. Коровушкина и Ю. В. Пирогова (Омск).

На секции рассматривались различные аспекты функционирования этнического самосознания. Н. Ф. Беляева (Саранск) охарактеризовала факторы, влияющие на актуализацию этого

чувства у мордвы Оренбуржья. Р. А. Григорьева (Москва) показала, как происходит национальное самоопределение у национально-смешанного населения Латгале.

С концептуальными соображениями о принципах формирования и использования этнической территории народов Севера выступил В. А. Тураев (Владивосток). По мнению докладчика, этническая территория должна иметь особый статус, состоять из трех зон: заповедной, традиционного труда и промышленного развития, что обеспечит потребности национального развития местных народов. Новая для наших сессий тема была поднята в докладе С. М. Червонной (Москва), которая рассмотрела отражение этнических процессов в произведениях профессионального изобразительного искусства российских автономий.

На сессии выступили также А. В. Буганов (Москва) с докладом «Комплекс исторических представлений современных сельских жителей Тамбовской обл.» и Ю. Д. Анчабадзе (Москва) с докладом «Исторические представления в идеологии национальных движений на Кавказе».

На сессии «Этнические и этнокультурные процессы в зарубежных странах» — кураторы Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) и А. М. Решетов (Ленинград) — было заслушано 10 докладов. Всеобщий интерес и длительные дискуссии вызвали доклады, посвященные зарубежной диаспоре советских народов. Н. Л. Жуковская (Москва) обрисовала положение калмыцкой общины в США, особенности ее адаптации и уровень сохранности этнической специфики. В двух докладах говорилось об украинской диаспоре. Н. В. Черная (Москва) представила историческую динамику численности украинцев в мире в XVIII — XX вв., а А. Ю. Макар (Черновцы) выступил с докладом «К вопросу о модели украинской диаспоры». И. М. Шаманов (Черкесск) посвятил свое выступление этнокультурному развитию карачаевцев в Турции.

Доклады по традиционной культуре народов Зарубежной Азии были основаны на материалах полевых исследований наших этнографов. Р. Ш. Джарылгасинова описала один из городских праздников японцев Инуями-мацури (Праздник г. Инуяма). Новационные изменения в свадебном обряде народов Индии охарактеризовала И. М. Семашко (Москва). Оба доклада сопровождались великолепными этнографическими слайдами, обеспечившими устной информации необходимый видеоряд.

Проблема влияния важнейшего события в жизни человечества на хозяйственно-экологическую и социокультурную деятельность кочевников была поставлена в докладе Н. Э. Масанова (Алма-Ата) «Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки». В докладе А. К. Султангалиевой (Алма-Ата) было показано сложное соотношение идеологии исламского единства и этнорегионального самосознания в процессе политического развития в странах Арабского Востока. А. М. Решетов остановился на изучении китайскими этнографами этнического состава своей страны, на теоретических и практических трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. М. Ю. Мартынова (Москва) выступила с анализом межнациональной брачности в СФРЮ, отметив различия в ее динамике у разных народов Югославии.

Впервые в рамках Всесоюзной сессии была учреждена секция «Этнические конфликты и оперативная этнология», что, безусловно, является отражением новой реальности нашей этнографической науки. Работа секции, на которой было представлено 10 докладов, вызвала большой интерес. Ее куратором был И. И. Крупник (Москва), выступивший с докладом «Этническая стратегия и этническая политика: программы возвращения крымскотатарского и немецкого национальных движений». Докладчик сопоставил эти движения по ряду показателей: массовость и организованность, внутреннее единство, отношение к государству, степень разработанности программы возвращения, международная поддержка, противники и оппоненты движения, вероятность стать объектом насилия и готовность к сопротивлению насилию и др. По тем же показателям для сравнения был проведен анализ еще одного национального движения — еврейского. Это позволило получить законченный типологический ряд: движение с доминирующей территориально-автономистской программой (крымскотатарское), движение с территориально-автономистской + культурной + эмиграционной программой (немецкое), движение с культурно-автономистской + эмиграционной программой (еврейское). По мнению автора, наибольшие шансы хотя бы на частичное выполнение своей программы сейчас имеет крымскотатарское национальное движение и наименьшее — немецкое.

А. А. Никишенков (Москва) в докладе «Новые тенденции в этническом сознании бурят» обрисовал основные этапы национально-культурного возрождения у бурят с середины 80-х годов, различие этого процесса в трех административных ареалах бурятского этноса, перспективы процесса и вероятность конфликтной ситуации. Последняя, по мнению докладчика, в настоящее время невысока, учитывая давние традиции взаимодействия и смешанного проживания коренного и русского старожильческого населения.

А. Т. Марутян и Л. А. Абрамян (Ереван) в докладе «Транспаранты и лозунги как зеркало карабахского движения» предложили типологию и показали эволюцию форм независимой плакатно-лозунговой культуры в соответствии с этапами становления карабахского (затем общеразмянского) движения. Доклад сопровождался показом слайдов с изображением разного типа лозунгов и транспарантов, которые можно было видеть в Ереване с самого начала карабахского движения. А. Б. Дзадзиев (Владикавказ) в докладе «Различия в социальной структуре и межэтническая напряженность» показал, что принятая система номенклатурной кадровой политики служит мощным фактором национальной напряженности. В многонациональной республике, какой является Северная Осетия, система национальных квот на занятия любых административных должностей, получение высшего образования и т. п. постоянно дает сбои, провоцирует чувство

национальной ущемленности и даже дискриминации, превращает высшее образование и социальное продвижение в инструмент политического манипулирования.

Хотя доклад В. И. Наулко (Киев) «Профессиональные и лексикологические источники определения этнического состава населения Украины» в основном был посвящен специальным вопросам анализа переписей и других письменных источников определения этнического состава населения, автор коснулся и проблемы этнической конфликтности, вызываемой неправильной или недостоверной фиксацией, искажением этнической идентификации, искусственным разделением украинского этноса по разные стороны государственных границ или в ареалах массовой эмиграции.

А. И. Клячин (Москва) рассказал об этнополитической ситуации в Крыму к зиме — весне 1990 г. По его мнению, крымские власти организационно, идеологически и экономически совершенно не подготовлены к возвращению больших масс крымскотатарского населения, демонстрируют свою некомпетентность, приверженность собственным цифрам и представлениям, никак не отражающим реальный ход татарской репатриации. Это и является главным источником местной конфликтности.

К. В. Эрлих (Алма-Ата) обрисовал состояние советских немцев к лету 1990 г. И здесь, по мнению докладчика, источником нарастающего напряжения служат некомпетентные действия властей, сознательное затягивание решения проблемы советских немцев. Промедление в восстановлении Автономной немецкой республики в Поволжье уже привело к лавинообразному нарастанию немецкой эмиграции, чувству социального пессимизма, протеста или депрессии. Похоже, что ситуация дошла до критической черты и уже никак не может быть решена полумерами.

А. А. Сусоколов (Москва) и З. И. Строгальщикова (Петрозаводск) выступили с разными выводами и рекомендациями о практических вопросах национальной и социальной политики среди вепсов. А. А. Сусоколов сделал основной упор на развитие рациональной и эффективной системы экономических и внутривнутриполитических связей, говорил об ограниченности возможностей «оптимизирования» и внешнего стимулирования процесса национального возрождения. По мнению З. И. Строгальщиковой, многие вопросы было бы легче решать, восстановив хотя бы минимальные формы политического и экономического суверенитета вепсской этнической территории, которые существовали в 30-е и даже в 40—50-е годы.

На секции «Этногенез и этническая история народов СССР» — кураторы В. Н. Басилов (Москва) и Р. Г. Кузеев (Уфа) — в 14 докладах были рассмотрены самые разные вопросы историко-этнографического прошлого наших народов. В двух докладах были поставлены этногенетические проблемы. С. И. Аджигалиев (Алма-Ата) говорил о наиболее полно проявляющемся в этногенезе казахов массагетском субстрате, особенно в специфике традиционно-бытовой культуры казахов казахских групп на западе этнической территории. Фольклорный материал послужил основой для выводов в докладе И. Б. Молдобаева (Фрунзе); по его мнению, многочисленные легенды и предания о кыргызах, бытующие у ряда народов Сибири, свидетельствуют об их этнокультурной близости к современным кыргызам и о былом могуществе киргизских племен.

Б. Х. Кармышева (Москва) дала историко-этнографическую характеристику двух групп киргизов, проживающих среди узбеков в двух областях — Джизакской (так называемые заимские киргизы) и Самаркандской (так называемые бахмальские киргизы). По материалам автора, киргизы играли значительную роль в политической и общественной жизни Зеравшанской долины с XVII в. до присоединения Средней Азии к России. С. С. Губаева (Фергана), рассматривая национальные отношения в Ферганской долине в предреволюционное время, подтвердила уже сказанный в литературе тезис о большей значимости принадлежности к определенному хозяйственно-культурному типу, нежели этнического фактора. Р. Х. Керейтов (Черкесск) остановился на историко-культурных связях ногайцев с народами Средней Азии и Казахстана, которые проявляются в общем этнонимическом фонде, в схожих элементах хозяйственного быта, материальной культуры. В докладе Р. И. Якубова (Уфа) «Тептяри: к вопросу об изучении несостоявшегося этноса» была выдвинута гипотеза, согласно которой тептяри, возникнув как сословная группа, стали впоследствии приобретать черты этнической или этносоциальной группы.

Большое теоретическое и методологическое значение имел доклад Р. Г. Кузеева «Этнические результаты присоединения волго-уральских тюркских и финно-угорских народов к Русскому государству в XVI — XIX вв.». Политическая нестабильность в регионе в XIV — XVI вв., подчеркнул докладчик, привела к образованию огромной дуги «дикого поля». После присоединения к России прежнее население вернулось на землю предков, но встретило уже здесь славянское население, которое к XIX в. в Поволжье стало преобладать. Одновременно продолжалась ассимиляция финно-угорских народов тюрками. В этот период в регионе происходили не только этноэволюционные, но и этногенетические процессы.

В докладе «„Скифская арфа“ и казахский кобыз — поиски исторических связей» В. Н. Басилов обосновал свою реконструкцию музыкального инструмента, найденного С. И. Руденко во 2-м Пазырыкском кургане (V в. до н. э., Алтай). Автор считает, что это не арфа, а архаический смычковый инструмент, к которому восходит казахский кобыз, созданный в результате конструктивных преобразований пазырыкского инструмента. Х. Есбергенов (Нукус) привел в своем докладе данные о каменных изваяниях Южного Приаралья, отметил их важную роль в поминальной обрядности и духовных воззрениях местных народов. Архивные документы, представленные в докладе М. К. Малышевой и В. С. Познанского (Новосибирск) «Этнографические материалы Чингиса Валиханова», дают основания считать, что первым собирателем этнографических сведений о родном народе был отец выдающегося казахского просветителя.

На секции было сообщено о результатах антропологических исследований. Т. П. Кияткина

(Душанбе) в докладе «К антропологии Великих кушан» сравнила краниологические серии из Ксировского могильника (Южный Таджикистан) с сериями из Тулхарского и Бишкентских могильников. Докладчица высказала предположение, что могильники оставлены единым в антропологическом отношении населением, возможно юечжениями. О. Бабаков (Ашхабад) и Н. А. Дубова (Москва) доложили о результатах антропологического исследования туркмен Астраханской области. Обследованная группа (из племен игдыр и абдалы) при сравнении с туркменами Туркмении демонстрирует своеобразный комплекс антропологических признаков.

В работе секции принимали участие американские исследователи. Дж. Д. Кимбол (Ун-т Беркли, Калифорния) сообщила о результатах первого раскопного сезона совместной американо-казахской экспедиции. Вельсь раскопки сакских курганов близ Алма-Аты, а также Джамбула, где обнаружены почему-то не использованные для погребения подземные склепы, видимо зороастрийские. Осмотрены археологические памятники в районах Чимкента, Туркестана, Отрара. Дж. У. Олсен (Ун-т Аризоны, Тусон) — участник американо-китайской археологической экспедиции в пустыне Такламакан (Синцзян) — дал информацию о находках в речных террасах двух типов орудий: позднепалеолитических (15 тыс. лет назад) и неолитических микролитов (примерно 7 тыс. лет назад). Задачи сезона 1990 г. — обнаружить стоянку с ясной стратиграфией археологического материала.

На заседаниях секции «Семья и семейный быт» — куратор А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) — прозвучало 12 докладов. Большинство из них было посвящено современной семье. Ю. В. Аргудяева (Владивосток) говорила о роли семьи в этническом взаимодействии на примере дальневосточного региона. Т. Х. Ташбаева (Ташкент) остановилась на некоторых проблемах современной узбекской семьи, в частности на положении женщины. В докладе Т. В. Лукьянченко (Москва) были проанализированы данные по современной сельской семье и ее проблемам у илимпийских звенов. В совместном докладе Г. И. Гадирзаде, С. Г. Аббасовой и З. Г. Рзаева (Нахичевань) говорилось о характерных чертах родственных связей у азербайджанцев.

Нравственные основы некоторых традиционных обычаев, в частности левирата, сорората, минората на примере абазин, были охарактеризованы Л. З. Кунижевой (Черкесск). В докладе А. Мардоновой (Душанбе) был приведен интересный материал о роли коня в семейных обрядах у таджиков Гиссара.

Структуре современной семьи у армян, компактно проживающих в Грузии, был посвящен доклад А. Е. Тер-Саркисянц. Л. Т. Соловьева (Москва) охарактеризовала межнациональные браки и семьи в Грузинской ССР. Г. Р. Столярова (Казань) остановилась на социально-демографических факторах стабильности однопациональных и национально-смешанных семей на примере трех автономных республик — Татарии, Чувашии и Марийской за период с 1940 по 1980 г. В. В. Гриценко (Аркалык) на основе этносоциологического исследования, проведенного автором в г. Аркалыке Казахской ССР, проанализировала особенности этнического состава кругов общения национально-смешанных и однопациональных семей.

Немалый интерес вызвали доклады Г. А. Комаровой (Москва) и Я. С. Смирновой (Москва). В первом была предложена новая методика сбора полевого материала по проблеме распределения ролей в семье. Второй доклад — «Брак поговору на Кавказе: формы и эволюция» — был посвящен теоретическим проблемам института брака; автором было предложено различать три вида брачного сговора: патриархальный, полупатриархальный и свободный.

Как всегда, живо и интересно прошли заседания секции «Новое и традиционное в обрядах народов СССР» — куратор Т. С. Макашина (Москва), где было обсуждено 12 докладов. Доклады О. И. Брусниной (Москва) и Л. Б. Заседателевой, Т. Г. Мунчаевой (Москва) были посвящены описанию календарной обрядности русских и украинцев, живущих в инонациональном окружении — в Узбекистане и на Северном Кавказе.

Неизбывен интерес этнографов к свадебной обрядности, Г. Л. Шарифуллина (Казань), изучая этническое самосознание астраханских татар, обратилась к анализу их свадебной обрядности, специфику которой составляет общность со свадебным циклом ногайцев. Л. М. Варданян (Ереван) рассмотрела материальные компоненты современной армянской свадьбы — наряд невесты, кортеж, трапезу, состав приданого и взаимных даров. Была отмечена их традиционному сохраняющаяся высокая престижная коннотация. В докладе, представленном З. И. Хасбулатовой (Грозный), речь шла об обрядах, связанных с уходом за детьми.

В двух докладах был рассмотрен другой цикл семейной обрядности — похоронный. Т. Дж. Баялиева (Фрунзе) охарактеризовала погребальные и поминальные обряды киргизов. Докладчица зафиксировала исчезновение ряда традиционных звеньев ритуала, остановилась на трудностях, с которыми сталкивается киргизское население при устройстве традиционных похорон в условиях города. Соотношение традиционных и новационных черт в годовом поминальном цикле у русских было рассмотрено И. А. Кремлевой (Москва). Говоря о высоких нравственных принципах, заложенных народным сознанием в поминальные обряды, И. А. Кремлева в очередной раз поставила вопрос о необходимости официального учреждения общерусского Дня поминовения. Это предложение было поддержано всеми присутствующими.

К нетрадиционной для нас теме обратился В. Милос (Вильнюс), выступивший с докладом «Кладбище — объект этнографического исследования». Автор показал связь между церковными и гражданскими институтами и процессом появления и исчезновения сельских и местечковых кладбищ в Литве, охарактеризовал этнорегиональные особенности элементов кладбищ (оград, ворот, часовен, озеленения, надгробий, эпитафий), обычаев пристома за могилами и почитания умерших.

В. Чюбринаскас (Вильнюс) на примере ритуалов, проводившихся при укладке первого венца срубного жилища и хозяйственных построек, остановился на функциональной значимости строи-

тельной обрядности литовцев, содержавшей приемы апотропической и синильной магии. У. Балде (Рига) рассмотрела символику дерева в традиционной семейной обрядности латышей. Особо почитаемые дуб и липа символизировали в народном сознании мужское и женское начало; вечнозеленая ель философски осмысливалась как черта между жизнью и смертью; береза ассоциировалась с семейным бытом, благополучием домохозяев.

Интерес вызвал доклад Л. А. Чвырь (Москва) «Обычаи мужских собраний у уйгуров», в котором были проанализированы содержание, состав участников, организация трапезы при проведении *машрабов* (вечеринки), собиравших в зимнее время мужское население. По мнению докладчицы, на формы и содержание *машрабов* огромное влияние оказали ранее распространенные на территории расселения предков уйгуров религии: зороастризм, буддизм, манихейство.

Глубокий теоретический подход отличал доклад Р. Меркене (Вильнюс) «Восприятие и структура календарного праздника в деревне Литвы». Традиционный календарный праздник воспринимался как сакральный, определяющий будущий отрезок времени, в строгом порядке объединяющий ритуальное действие. Принудительное введение новых идеологий (христианство, атеизм) привело к распаду традиционной структуры праздника, образованию «блуждающих» ритуальных частей и их контаминациям в системе уцелевшего сакрального времени.

Интенсивно работала секция «Религия и этничность» — куратор Б.-Р. Логашова (Москва). На секции было представлено 8 докладов. Б.-Р. Логашова проанализировала динамику этноконфессиональной ситуации в Амурской области на протяжении XX столетия; специальное внимание было уделено этнокультурной и конфессиональной адаптации недавних переселенцев из Средней Азии. А. В. Курочкин (Киев) рассмотрел генезис сложившихся на древнеславянской основе демонологических представлений украинцев о ведьме, традиционные магические приемы идентификации ведьм, их волшебные функции. Разнообразные представления о животных в северорусской медицине были темой доклада Н. Е. Грыськ (Ленинград).

Группа сообщений была построена на среднеазиатско-казахском этнографическом материале. А. Кунанбаева и Н. Ж. Шаханова (Ленинград) остановились на осмыслении в традиционном сознании кочевников этого региона домашнего пространства юрты как символа плодотворного соединения мужского и женского начала. О традиции почитания святых в Южном Казахстане рассказала Р. М. Мустафина (Алма-Ата). А. В. Коновалов (Ленинград) в докладе «О мантическом предмете казахов» проанализировал содержание записанной в поле казахской легенды о предметах для гадания, что позволило сделать вывод об универсальных архетипах, лежащих в основе магических представлений.

В докладе В. С. Уарзиати (Владикавказ) «Символические аспекты народного костюма осетин» было обращено внимание на знаковую семантику и ритуальные функции отдельных элементов традиционных одяжных комплексов. Я. В. Чеснов (Москва) в докладе «Витагенез по ритуально-обрядовым материалам чеченцев и ингушей» проанализировал народные представления вайнахов о происхождении сущего; витагенез включал три компонента: небесно-космический, водно-хтонический и эмбриональный, вобравший в себя представления о бесконечности жизни.

Приятно отметить, что в работе секции активное участие принимал наш коллега из Великобритании д-р Дэвид Льюис.

Тематика докладов секции «Материальная культура» — кураторы А. Н. Жилина (Москва) и М. С. Муканов (Алма-Ата) — охватывала практически все стороны этой сферы народного быта. Участники выступили с 12 докладами, многие из которых привлекли внимание своей актуальностью, остротой поставленных вопросов. Так, Ж. Б. Абылхожин и Н. Э. Масанов (Алма-Ата) представили доклад «Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность или миф». Авторы отметили, что седентаризация возможна лишь в районах, где количество атмосферных осадков не менее 400 мм или где имеется стабильный поверхностный сток. В аридных же районах альтернативы кочевничеству как стратегии достаточно эффективного природопользования нет. Трагедия насильственного оседания кочевников, осуществленного в Казахстане в 1930-х годах, доказала это. Т. У. Салимов (Ташкент) отметил необходимость восстановления в практике традиционных методов ведения земледельческого хозяйства.

Особенности современной системы питания народов Карачаево-Черкесии были прослежены Г. А. Сергеевой (Москва). Г. Г. Копешавидзе (Сухуми) провела сравнительное изучение мясомолочной пищи абхазов и грузин Западной Грузии (мегрелов). Т. Н. Томина (Москва) дала детальную характеристику очагов для приготовления пищи и выпечки хлеба у народов Средней Азии.

Более обстоятельным был разговор о народной одежде. Р. У. Каримова (Алма-Ата) рассмотрела традиционную одежду уйгуров, остановившись, в частности, на отражении в одяжных комплексах половозрастных градаций общества. А. Байриева (Ашхабад), ознакомив присутствовавших с ценными слайдами, отметила устойчивость традиционной одежды туркмен, наиболее архаичные пласты которой фиксируются в южных районах Туркменистана. Г. С. Шербий (Киев) остановился на проблеме сохранения традиционных особенностей в одежде украинцев Подолья.

Сравнительное изучение ткачества татар и других тюркских народов дало возможность Ф. Ш. Сафиной (Казань) выявить присущие им общие черты в технических приемах и способах ornamentации. Вдумчивый подход к сложной теме проявила молодая исследовательница К. Е. Ергазиева (пос. Токаревка, Карагандинская обл.), которая обратилась к изучению казахского народного орнамента как исторического источника.

Интереснейшую область народных знаний рассмотрел В. А. Дмитриев (Ленинград), выступивший с докладом «Типообразующие черты традиционной метрологии».

Последнее выступление взволновало всех присутствовавших: И. А. Заатов (Симферополь)

говорил о развитии этнографической литературы по крымским татарам. К сожалению, ее традиции в настоящее время почти полностью прерваны. Репрессированный народ лишился своей науки, и в СССР практически нет ни одного этнографа, изучающего быт и культуру крымскотатарского населения.

Проблемы специфической сферы духовной культуры обсуждались в 12 докладах секции «Этнографические аспекты изучения современного фольклора, искусства и народного творчества» — куратор С. Б. Рождественская (Москва). С интересом было встречено выступление Е. А. Постолаки (Кишинев), которая, выйдя за рамки основной темы своего доклада «Молдавское ковроделие: общее и особенное», сообщила о целях и задачах созданного в Кишиневе Межведомственного центра по изучению и возрождению народного искусства. Другим механизмом сохранения народной культуры в Молдове призвана стать программа «Этнографическая наука и национальная традиционная культура в школе», направленная на приобщение подрастающего поколения к ценностям народного искусства.

С. Б. Рождественская осветила особенности этнографического подхода к изучению народного искусства, в то же время отметив плодотворность соединения исследовательских усилий этнографов и искусствоведов.

В докладах освещались также вопросы изучения русского народного искусства. Орнаментальное творчество русских Томской области на рубеже XIX—XX столетий было темой выступления О. М. Рындиной (Томск). Н. М. Ведерникова (Москва) говорила о необходимости возрождения художественных промыслов Архангельской обл., современное народное творчество которой (ткачество, вышивка, вязание, изготовление лоскутных ковриков) по своим истокам и эстетической значимости неадекватно традиционному искусству.

Очень важен вопрос собирания и экспонирования предметов народного искусства. На примере ярких, имевших большой зрительский успех экспозиций, организованных в Государственном музее этнографии народов СССР, Н. М. Калашникова (Ленинград) показала многоаспектность и огромные возможности демонстрации традиционного народного творчества в музейных залах. Н. Б. Марголина (Ленинград) рассказала об истории комплектования дальневосточных коллекций ГМЭ.

На заседаниях секции была представлена этномузыкальная тематика. В совместном докладе Е. П. Бусыгина и В. И. Яковлева (Казань) были рассмотрены история появления гармоники в Поволжье и функционирование этого инструмента в современной культуре народов региона. Д. Жумабекова (Алма-Ата) осветила процесс развития смычковой культуры в Казахстане. Д. А х м е т б е к о в а (Алма-Ата) проследила за развитием казахской советской массовой песни.

Доклад Э. Х. Петросян (Ереван) был посвящен театрально-зрелищной традиции уйгуров. В ней докладчица видит два слоя: поздний, связанный с мусульманством, и более ранний, соприкасающийся с культурой Китая и своими истоками восходящий к культуре Кашгарского царства. В докладе Ж. К. Х а ч а т р я н (Ереван) была рассмотрена связь основных построений армянских народных плясок (круг, спираль с продвижением вправо) с архаическими мифопоэтическими представлениями. Движение вправо воспринималось как движение к солнцу, пространство внутри круга ассоциировалось с космосом, вне его — с хаосом. На секции выступил также В. Я. Б у т а н а е в (Абакан) с докладом «Образ оспы в хакасской демонологии».

В рамках Всесоюзной сессии было проведено два научных собрания. Под эгидой Института этнографии АН СССР, Советской социологической ассоциации и Центра по изучению межнациональных отношений состоялся «круглый стол» на тему «Многонациональный Советский Союз до и после пяти лет перестройки: пройденный путь и варианты будущего». В свободной дискуссии, в которой приняли участие ведущие советские этнографы, был представлен плюралистический спектр мнений по обсуждаемому вопросу. Заседание «круглого стола» имело большой резонанс. На нем присутствовали представители научной общественности Алма-Аты, корреспонденты Казахского телевидения.

Центр по изучению межнациональных отношений провел выездное заседание, посвященное планируемой серии изданий по истории национальных движений в СССР. На заседание были приглашены представители национально-политических организаций из разных регионов страны, которые осветили цели и программные установки своих движений, нынешнюю общественно-политическую ситуацию на местах.

Сессия завершилась заключительным пленарным заседанием. На нем прозвучал доклад Г. Л. Хить (Москва) «Антропология сегодня: пришлое население Средней Азии (дерматоглифическая характеристика и генетические связи)». Обобщение большого материала о кожных узорах кисти показало, что евреи, персы (ирони), белуджи, греки и турки-месхетинцы максимально сходны с населением Передней Азии, резко отличаясь при этом от аборигенов Средней Азии. Дунгане и корейцы сближаются с монголоидами Юго-Восточной Азии. Таким образом, пришлые группы современного населения Средней Азии гетерогенны и сохраняют сходство с коренным населением тех регионов, откуда в свое время мигрировали их предки. В то же время уйгуры, арабы и курды сходны с таджиками, туркменами и узбеками, что отражает не только общие антропологические компоненты в основе расового типа, но и процесс ассимиляции пришлых групп местной средой.

Затем с краткими отчетами выступили кураторы секций, после чего слово было предоставлено М. К. Козыбаеву. Он высказал удовлетворение работой сессии, подчеркнув, что народоведение как наука набирает темп и новые высоты. М. К. Козыбаев поблагодарил всех участников сессии и пожелал им успехов.

В. А. Тишков подвел главные итоги сессии, оценив их в целом как весомый вклад в науку.

В то же время он подчеркнул, что необходимо повышать уровень проведения наших всесоюзных этнографических совещаний за счет расширения географии и численности участников. В. А. Тишков сказал, что в будущем хотел бы видеть среди участников научную молодежь — студентов, аспирантов. Организационная часть сессий тоже должна измениться. Нужно предоставить крупным ученым возможность заявлять темы научных симпозиумов, обсуждение которых собирало бы лучшие этнографические силы страны. Далее В. А. Тишков отметил, что, несмотря на наличие кризисных явлений в нашей науке, этнография в отличие от других обществоведческих дисциплин сумела сохранить свое лицо. Наши труды, подчеркнул он, в основном не девальвировались, за многое из того, что мы опубликовали, нам не стыдно. Однако сейчас многое нужно переосмыслить, начиная с базовых понятий, необходимо работать над вводом в оборот новых источников, над уточнением исследовательской методики. Это поможет преодолеть наш определенный провинциализм по сравнению с западной этнологией. В заключение В. А. Тишков поблагодарил казахских коллег и всех участников сессии за проделанную работу.

* * *

В Алма-Ате произошло событие, которое будет иметь важные последствия для дальнейшего развития советской этнографической науки. После окончания заключительного пленарного заседания Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. В. А. Тишков предложил присутствовавшим обсудить вопрос об учреждении профессиональной ассоциации советских этнографов. Он подчеркнул, что создание подобной ассоциации повысит статус нашей науки. Это поможет покончить с фактически безраздельной монополией на этнографическую проблематику Института этнографии АН СССР и послужит делу объединения всех этнографических сил нашей страны. В. А. Тишков подчеркнул, что в таком многонациональном государстве, как СССР, этнографов должно быть в 10 раз больше, чем теперь. Было предложено назвать новую организацию Советской этнологической ассоциацией.

Идея создания профессиональной ассоциации советских этнографов встретила единодушную поддержку. Однако предложенный вариант названия вызвал возражения. В. Н. Басилов и Р. Ш. Джарылгасинова высказались против того, чтобы из названия исчезло слово «этнография», которое олицетворяет отечественную научную традицию. А. А. Никищенко отметил, что нет необходимости придавать преувеличенное значение терминам. Гораздо важнее конкретное содержание, которое мы вложим в деятельность ассоциации. Тем не менее прозвучавшие возражения нашли поддержку у присутствовавших. Было предложено несколько альтернативных вариантов названия, и в результате было принято решение именовать организацию Советская этнографическая и антропологическая ассоциация.

В результате состоявшихся выборов первым президентом Советской этнографической и антропологической ассоциации стал С. А. Арутюнов (Москва), исполнительным директором — Л. Б. З а с е д а т е л е в а. В ближайшее время будут разработаны программные документы ассоциации, с которыми ознакомится этнографическая общественность страны.

Ю. Д. Анчабадзе

© 1990 г.

**ОТ ЕДИНСТВА К МНОГООБРАЗИЮ: СМЕНА
ПАРАДИГМ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВ
ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ
(по материалам Шестой Международной
конференции по изучению
охотничье-собирательских обществ,
27 мая — 1 июня 1990 г., Фэрбенкс.
Аляска, США)**

Общества охотников, рыболовов и собирателей издавна привлекали к себе внимание европейских путешественников и естествоиспытателей. Ранние сведения о них сыграли большую роль в сложении философских концепций (Т. Гоббс о «войне всех против всех», Ж.-Ж. Руссо о «благородном дикаре» и пр.), находившихся у истоков философии и науки нового и новейшего времени. Интерес к ним стал одним из побудительных мотивов возникновения этнографии и ряда родственных ей дисциплин.

Первоначально эти общества занимали исследователей прежде всего как некие «осколки первобытного человечества», дававшие повод порассуждать об образе жизни и обычаях наших далеких предков. Позднее пришло понимание того, что многие из таких обществ существуют и в наше время и их нынешний облик до определенной степени обусловлен многовековыми и даже